

Вырезка из газеты СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

от . . . . . 26 ДЕК 38

Москва

Газета №

К 125-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ф. АХУНДОВА

ЮБИЛЕЙНАЯ ПРЕМЬЕРА В БАКУ

В Бакинском Краснознаменном театре русской драмы идут последние репетиции пьесы Мирзы Фетх-Али Ахундова «Медведь — победитель разбойника» (в переводе Сулеймана Рустама и Ал. Яковлева). Театр покажет эту комедию в ближайшие дни, в дни 125-летнего юбилея Ахундова.

«Медведь» в свое время был уже переведен на русский язык одним из друзей М. Ф. Ахундова — В. А. Соллогубом, известным автором «Тарантаса». Ахундов был тогда активным участником литературного кружка, в который входили, кроме В. А. Соллогуба, А. А. Вестружев, Я. П. Полоцкий, Хачатур Абовян — автор знаменитых «Писем», великий армянский собрат Ахундова. «Медведь» был поставлен в домашней обстановке, как любительский спектакль.

С тех пор «Медведь» никогда не шел ни на русской, ни даже на азербайджанской сцене.

Спектакль в театре русской драмы еще не совсем готов, но уже сейчас можно сказать, что это будет очень привлекательное представление. «Медведя» необходимо показать в Москве! Этот народный водевиль не только чрезвычайно театрален — он, кроме того, очень умен.

Дело заключается в том, что бедный, но храбрый пастух и охотник Байрам любит прекрасную Парсад, а Парсад должна стать женой своего богатого дяди, толстого, противного и трусливого Тарверды. Байраму трудно тягаться с Тарвердой; он может его только перехитрить. Вместе со старой, все понимающей Залхой, односельчанкой и союзницей Байрама (она, впрочем, и материально заинтересована в этом предприятии), Байрам придумал великодушный план действий. Надо убедить Тарверды, что раз уж он решился в его годы стать женихом Парсад, то должен предварительно прославить свое имя какими-нибудь геройскими подвигами. Тарверды этого ужасно не любит, но наученные Залхой его друзья неопровержимо доказали, что это необходимо и не очень трудно при его богатстве. Тарверды решился, наконец, стать разбойником. Вместе со своими оруженосцами Вели и Оружен он отправляется в путь — герой поневоле, смешной трус, который боится уже сам себя в этой новой и страшной для него роли.

Судьба немедленно посылает ему грозное испытание. Кочующий пирк немца фон-Фока, в составе одной обезьяны и одного дрессированного медведя, медленно и мирно пробирается по той именно дороге, которую обложили Тарверды и его разбой-

ники. Происходит полное комичное «нападение», паническое бегство после встречи с медведем, неожиданное появление Байрама и вообще величайшая путаница, которую распутать сможет только сам капитан-исправник, верховный в этих местах представитель российской государственной власти.

Капитан-исправник, при помощи переводчика, перед коленопреклоненными старейшинами села творит суд. Иностранец фон-Фок жалуется на ограбление (медведь в суматохе исчез). Партия богатого Тарверды пытается доказать, что виновник всего происшествия — Байрам. Сам Байрам не считает возможным выдать Тарверды: если он выдаст своего соплеменника представителю власти, никто в селе не признает, что он завоевал Парсад в честном состязании с противником...

Ахундов, великий просветитель своего народа, смеялся не только над бестолковыми и нелепыми старейшинами, с их рабской «солидарностью», но даже над Байрамом, с его неуместной в данном случае «верностью». И еще всего смеялся над капитаном — страшным взяточником и вымогателем, который остается негодяем несмотря даже на то, что именно он устривает счастье Байрама с его прекрасной Парсад.

Игра закончена: персонажи выходят на авансцену (эти остроумные интермедии написаны для театра А. М. Арго). Они уже не персонажи, а наши веселые товарищи, которые рассказывают, как приятно было играть чудесную комедию Ахундова и как хорошо все-таки, что это — уже далекое прошлое.

Еще рано говорить о спектакле, но и в черновых репетициях «Медведь» уже пленяет зрителя. Постановщик А. Г. Ридаль дал всему представлению верный и чистый тон. Комедия эта во многом «мольеровская» (Ахундова недаром называют азербайджанским Мольером) и театр не удержался от соблазна применить некоторые приемы мольеровского театра — он дал, например, «посвящение» жалкого Тарверды в разбойники, очень напоминающее многие мольеровские посвящения, и т. д. Но хорошо, что он не пошел слишком далеко по этому пути. «Медведь» — народный водевиль; самая его условность очень убежденная и совершенно безацеллюлозная. Она не подлежит ни стилизации, ни раскрытию — даже в самом конце спектакля.

Л. БОРОДИН

Баку